

Регион: экономика и социология, 2010, № 2, с. 91–104

ФЕДЕРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

В.И. Клисторин

ИЭОПП СО РАН, Новосибирский государственный университет

Аннотация

Рассматривается влияние федеративных институтов на экономическое развитие в период кризиса и эффективность антикризисных программ. Обосновывается гипотеза об относительно большей устойчивости федераций к негативным воздействиям в период кризиса. Относительно более тяжелое течение кризиса в России в сравнении с другими странами объясняется особенностями институционального устройства, и в частности деградацией институтов федерализма.

Ключевые слова: федерация, унитарное государство, кризис, стабильность, институты федерализма, конкурентоспособность стран

Abstract

The paper analyses the impact of institutions of federalism on the economic development in the crisis, and the effectiveness of anti-recessionary programs. We put forward the hypothesis that federations proved to be less sensitive to the negative impacts of a crisis. The fact that in Russia, the crisis had much more negative impacts than in other countries, could be explained by the nature of Russian institutional system and, especially, by deterioration of Russian institutions of federalism.

Keywords: federation, unitary state, crisis, stability, institutions of federalism, competitiveness of countries

Кризисные явления проявились по-разному и в различной степени сказались на макроэкономических показателях отдельных стран. Причина видится в дифференциации конкурентоспособности национальных экономик, в их неодинаковой реакции на антикризисные меры, предпринимаемые как национальными правительствами, так и властями других государств. Например, российская экономика получила значительную помощь от федеральных властей страны, но на итоги ее развития в 2009 г. гораздо большее влияние оказала динамика цен на наши экспортные товары, прежде всего на энергоносители, которая в значительной мере определялась политикой денежных властей США и некоторых других стран. В конечном итоге экономисты установят с высокой степенью точности перечень и количественные характеристики отдельных факторов, обусловивших масштабы и продолжительность кризисных явлений в каждой стране, и, разумеется, со временем дадут оценку эффективности реализации антикризисных программ и экономической политики каждой из стран как накануне, так и в ходе кризиса.

Конкурентоспособность национальных экономик, как известно, определяется большим числом факторов начиная от их масштабов и структуры, специализации и степени открытости и заканчивая ответственностью макроэкономической политики и институциональным устройством. Имеется достаточно много работ, доказывающих важную, если не сказать – определяющую, роль качества институтов в обеспечении устойчивого экономического роста. Более того, экономическая политика государства и, главное, ее результативность во многом зависят от качества институтов. В периоды процветания изъяны институционального устройства и дефекты государственной политики, как правило, мало заметны, а в период кризиса они проявляются с особой силой и приводят к ощутимым финансовым и экономическим потерям.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что федерации могут иметь, а в ряде случаев имеют фактически несомненные преимущества в экономическом развитии в сравнении с унитарными государствами [1]. В периоды экономической турбулентности эти преимущества должны трансформироваться в относительно большую устойчивость к кризисным явлениям. Обсуждению этого тезиса посвящена данная статья.

А.Н. Илларионов [2] приводит сопоставимые данные по влиянию кризиса на некоторые макроэкономические показатели России и еще 40 стран, входящих в ОЭСР и «большую двадцатку». Он обосновывает тезис о том, что, во-первых, в условиях мирового кризиса российская экономика продемонстрировала наихудшие результаты среди ведущих стран мира и, во-вторых, антикризисная политика российского правительства была малоэффективной¹. Вообще говоря, выводы не новые, подобные оценки высказывались на протяжении 2009 г. многими российскими и зарубежными экспертами, в том числе специалистами РАН, Высшей школы экономики, МВФ, Всемирного банка, отечественных и международных консалтинговых компаний (см., например, [3]). Аналогичные данные опубликованы Росстатом [4]. Вместе с тем приведенные в табл. 1 цифры, опубликованные А.Н. Илларионовым в качестве иллюстрации (см. материалы [5]) к его статье [2], позволяют выявить также некоторые сюжеты, которые практически не затрагивались в широкой дискуссии, развернувшейся вокруг современного кризиса и антикризисных мер. Речь идет о влиянии государственного устройства на способность экономики противостоять кризисным явлениям. Действительно ли федерации оказались более устойчивы к мировому кризису, нежели унитарные государства?

Среди стран, представленных в указанной таблице, подготовленной специалистами фонда «Институт экономического анализа» на основании данных МВФ, выделяются 16 государств с федеративным устройством и 25 унитарных государств². У стран разные экономические системы, они находятся на различных стадиях экономического

---

¹ Можно по-разному оценивать научную и общественную деятельность А.Н. Илларионова, но он всегда стремится использовать количественные оценки, приводить простые и наглядные аргументы для доказательства своих утверждений. Иногда такой позитивистский подход дает интересные результаты, но зачастую приводит к спорным выводам.

² К странам с федеративным устройством относятся Австралия, Австрия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Канада, Китай, Мексика, Нидерланды, Россия, США, Швейцария, ЮАР; к унитарным государствам – Гонконг, Греция, Дания, Израиль, Индонезия, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Люксембург, Мальта, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, Саудовская Аравия, Сингапур, Словения, Турция, Финляндия, Франция, Чешская Республика, Швеция, Южная Корея, Япония.

Таблица 1

Последствия финансово-экономического кризиса для отдельных стран

Страна	Изменение фиск. позиции (дефицита бюджета), % к ВВП	Изменение реального ВВП, %	Изменение валют. резервов, % к ВВП	Изменение курса нац. валюты к долл. США
Россия	-13,4	-7,5	-12,7	-34,7
Исландия	-19,4	-8,5	1,5	-31,1
Саудовская Аравия	-10,8	-0,9	-1,9	0,0
Норвегия	-10,6	-1,9	-0,6	-25,8
Ирландия	-12,2	-7,5	0,0	-18,9
Великобритания	-8,9	-4,4	-0,2	-27,6
Швеция	-7,3	-4,8	-1,1	-29,7
Мексика	-3,5	-7,3	-0,9	-29,5
Турция	-4,9	-6,5	-1,2	-27,0
Испания	-14,5	-3,8	0,0	-18,9
Южная Корея	-6,2	-1,0	-4,3	-29,3
Сингапур	-8,6	-3,3	-4,8	-10,5
Люксембург	-6,7	-4,8	-0,3	-18,9
Новая Зеландия	-4,0	-2,2	-2,8	-31,8
Финляндия	-8,1	-6,4	-0,1	-18,9
Канада	-6,5	-2,5	0,1	-18,7
Чешская Республика	-5,4	-4,3	-0,5	-33,0
Словения	-6,2	-4,7	-0,7	-18,9
Кипр	-7,6	-0,5	-1,3	-18,9
Германия	-3,7	-5,3	-0,1	-18,9
Австралия	-5,8	0,7	-0,3	-32,6
Португалия	-4,3	-3,0	-0,2	-18,9
Франция	-5,6	-2,4	-1,0	-18,9
Бельгия	-5,6	-3,2	-0,1	-18,9

Окончание табл. 1

Страна	Изменение фикс. позиции (дефицита бюджета), % к ВВП	Изменение реального ВВП, %	Изменение валют. резервов, % к ВВП	Изменение курса нац. валюты к долл. США
Австрия	-3,5	-3,8	-1,1	-18,9
Нидерланды	-4,3	-4,2	0,0	-18,9
Италия	-4,1	-5,1	0,1	-18,9
Мальта	-2,3	-2,1	-2,6	-18,9
Дания	-5,8	-2,4	3,8	-18,8
Аргентина	-1,8	-2,5	-0,3	-14,0
Греция	-2,8	-0,8	0,0	-18,9
Бразилия	-1,0	-0,7	-0,8	-31,2
США	-6,4	-2,7	0,0	0,0
Индия	-6,0	5,4	-4,5	-13,0
Швейцария	-3,7	-2,0	0,7	-12,0
ЮАР	-5,6	-2,2	-0,3	-23,8
Япония	-7,4	-5,4	0,3	15,5
Индонезия	-1,4	4,0	-1,1	-22,9
Гонконг	-11,0	-3,6	13,3	0,6
Израиль	-6,0	-0,1	5,8	-17,9
Китай	-4,8	8,5	2,5	0,0

Источник: [5].

и технологического развития, различаются размерами, специализацией, ресурсным потенциалом, демографическими, культурными и прочими характеристиками. Различно также и политическое устройство как федераций (представлены разные модели), так и унитарных государств (например, Исландия и Сингапур). Особняком стоит Китай, относительно «федеративности» которого среди специалистов нет согласия. С одной стороны, полномочия провинций и автономных окру-

гов КНР достаточно широки и степень их самостоятельности в принятии решений достаточно высокая, а с другой стороны, специфика политического устройства не позволяет отнести Китай к федеративным государствам. Да и нынешний кризис с формальной точки зрения и в сравнении с другими странами привел к существенному улучшению позиций этой страны. Поэтому Китай можно исключить из дальнейшего рассмотрения. По нашему мнению, расширение списка стран и изменение методики расчетов может сказаться на количественных оценках, но не изменит общих выводов.

А.Н. Илларионов совершенно правильно ставит вопрос об оценке глубины кризиса не только на основании изменения реального ВВП, но и с учетом объема ресурсов, использованных для смягчения масштабов кризиса. Эта идея заслуживает всяческой поддержки и дальнейшего развития, поскольку на величину макроэкономических индикаторов оказывают влияние не только внутренние взаимосвязи в экономике и внешние воздействия со стороны других экономик, но и государственное регулирование. Так, например, масштабы экономического спада могут быть скомпенсированы увеличением государственных расходов, а отток капитала – внешними заимствованиями. Следует также согласиться с оценкой результатов работы А.Н. Илларионова [2] как предварительных и достаточно условных, но, тем не менее, достаточно информативных.

По нашему мнению, основным индикатором, характеризующим масштабы антикризисных мер, является изменение фискальной позиции, а результирующим показателем – изменение реального ВВП (см. табл. 1). Поскольку оба показателя имеют одинаковую размерность и в общем случае разнонаправлены, для получения интегральной оценки экономических потерь можно складывать эти индикаторы. В то же время показатели сокращения валютных резервов и изменения курса национальной валюты в гораздо большей степени подвержены влиянию прочих факторов, таких как выбор момента времени для проведения девальвации, степень открытости экономики, присутствие спекулятивного капитала, эффективность валютного регулирования и, наконец, включенность страны в валютные союзы.

Таблица 2

Оценка кумулятивных экономических потерь в 2009 г.*

Страна	Изменение фиск. позиции, % к ВВП	Изменение реального ВВП, % к ВВП	Индекс экономических потерь		
			мин. оценка	с учетом изменения валют. резервов	с учетом курса нац. валюты
Российская Федерация	-13,4	-7,5	-20,9	-33,6	-51,3
Китай	-4,8	8,5	3,7	6,2	7,6
ЕС (19 стран)	-6,3	-3,9	-10,2	-10,2	-17,5
Федерации (14 стран)	-4,2	-1,9	6,1	-6,7	-12,4
Унитар. гос-ва (25 стран)	-7,8	-3,8	11,6	-11,5	-19,6

* Рассчитано по данным МВФ и Института экономического анализа.

Для целей данной работы зададимся вопросом: каковы совокупные экономические потери в среднем по федеративным и унитарным государствам? Ответ представлен в табл. 2. Выводы очевидны: федеративные государства за исследуемый период показали гораздо лучшие результаты по сравнению с унитарными. Падение ВВП оказалось в среднем в 2 раза меньшим, чем в унитарных государствах, при значительно меньших антикризисных усилиях властей. Но для России этот вывод неверен, поскольку падение ВВП оказалось более глубоким в сравнении с другими странами на фоне относительно более масштабных антикризисных мер. Причины видятся в неэффективной антикризисной политике, которая, как будет показано ниже, является следствием институционального устройства.

Второй вывод касается эффективности региональной интеграции и формирования квазифедеративных структур. Наряду с несомненными выгодами подобных процессов и плодотворностью идеи объединения национальных экономик следует констатировать, что это объединение несет и дополнительные риски для экономики отдельной страны, что может поставить под сомнение саму идею региональной интеграции. Ярким примером является ЕС, ядро которого совпадает

с еврозоной. Медленная постепенная интеграция и сложная система принятия решений, основанная на принципе консенсуса, привели к тому, что единая политика заведомо лишена оперативности и радикализма. В условиях стабильного роста подобные недостатки были незаметны, но в условиях кризиса стали нетерпимыми. В частности, исключение из арсенала отдельных государств инструментов кредитно-денежной политики (это касается не только участников еврозоны, но и части стран, стремящихся к членству в ЕС) привело к непропорциональной потере конкурентоспособности и огромному спаду экономической активности.

Федерация предполагает не только распределение полномочий и ответственности между центром и субъектами, не только механизмы вертикальной координации решений, но и мобильность факторов производства. Даже ЕС пока не обеспечил эффективного решения этих задач³. Что касается России, то представляется, что по степени интеграции экономического пространства страны, мобильности факторов и эффективности механизмов вертикальной координации решений она значительно уступает ЕС, не говоря уже о собственно федеративных государствах.

Почему Россия показала такие результаты? В работах, посвященных обсуждению этого вопроса, можно выделить две точки зрения. Сторонники первой концентрируются на фундаментальных слабостях российской экономики (проблемах). Неоднократно указывалось на высокую степень зависимости отечественной экономики и бюджетной сферы от экспортных цен на энергоносители, на прогрессирующее устаревание производственного аппарата, обуславливающее низкую производительность труда и высокие издержки, на технологическое отставание, слабость финансовой системы и постоянный рост неэффективных расходов бюджета.

---

³ Не удивительно, что с конца 2009 г. многочисленные проекты по созданию региональных валют и продвижению их в число резервных притормозились. Исключением является снова Россия, форсированно создающая единое таможенное, а впоследствии и экономическое пространство с Белоруссией и Казахстаном.

Другая точка зрения сводится к тому, что институциональная структура российской экономики деградировала, – это и привело ко всем названным выше последствиям. В качестве примеров указываются монополизация большинства отраслей экономики в результате криминализированного рейдерства, политика создания национальных чемпионов, в том числе образование госкорпораций, коррупция и рентоориентированное поведение как власти, так и бизнеса, отсутствие независимых судов и СМИ и т.д.

Различие между этими точками зрения состоит лишь в одном: что считать причиной, а что – следствием. Представляется, что причина заключается все-таки в институциональном устройстве и его эволюции, поскольку проблемы были осознаны и ресурсы для их разрешения в стране имелись. Принимались и различные программы, которые слабо реализовывались [6]. В этом плане очень полезно вспомнить действия Правительства РФ в период кризиса. В начале 2008 г., когда неизбежность рецессии в большинстве стран мира уже была осознана, говорилось об «острове стабильности». Летом – осенью того же года, когда статистика фиксировала спад в промышленности и падение цен на экспортные товары, использование термина «кризис» не приветствовалось. Только зимой это слово было легализовано, но причиной кризиса признавалась только «инфекция», занесенная с мировых рынков.

Отсюда постоянная корректировка прогноза падения ВВП в 2009 г., запоздалое принятие Правительством РФ антикризисной программы, ее неадекватное содержание и неутешительные результаты реализации. Какое это имеет отношение к проблеме федерализма? Самое прямое. Во-первых, если бы регионы имели возможность влиять на принятие решений на федеральном уровне, дискуссии по антикризисной программе в парламенте начались бы уже в середине 2008 г., поскольку уже тогда некоторые регионы столкнулись со спадом производства и сокращением доходов бюджетов. Во-вторых, антикризисные программы регионов готовились бы параллельно с разработкой федеральной. В-третьих, программы были бы в большей

степени направлены на поддержание конечного спроса и повышение мобильности ресурсов.

Ранее мы неоднократно анализировали процессы трансформации федеративных институтов в России (см., например, работы [6–8]). До 2004 г. развитие федеративных отношений шло в целом в правильном направлении: повышалась определенность в разделении полномочий, унифицировалось законодательство, устранялись противоречия между федеральным и региональным нормотворчеством, экономические и политические барьеры между субъектами и т.д. Но дальнейшее развитие этих отношений быстро миновало стадию унификации, и страна стала превращаться в сверхцентрализованное унитарное государство [6]. Причина видится в относительной легкости проведения реформ на первом этапе и многократном росте ресурсов, находящихся в распоряжении федерального центра, а также в быстром воссоздании системы симбиоза власти и собственности. Это породило иллюзию полной управляемости экономики и общества и вызвало не критическое отношение к собственным решениям. В результате руководство страны отказалось от проведения структурных реформ и превратило в фикцию федеративные институты. Государство по политическому устройству стало унитарным, но механизмы контроля, присущие такой системе организации власти, не заработали, не возростала и мобильность ресурсов на фоне прогрессирующей монополизации экономики.

Периодически эти сюжеты обсуждались в научной печати и публицистике. В частности, в докладе РАН действующая система «федеративных отношений» подверглась мягкой критике [9]. Кризис высветил многие слабости институционального устройства России. В частности, критиковалась действующая система принятия решений, исключая публичность обсуждения и принцип ответственности. Критика шла не только со стороны радикальной оппозиции, но и со стороны лояльно настроенных политиков и ученых. В этом отношении полезно рассмотреть доклад ИНСОП [10]. В этой работе, претендующей на то, чтобы считаться очередной программой институциональных преобразований, удивительно мало говорится о развитии фе-

деративных отношений, если не считать декларации на с. 22: «Россия – федеративная республика с сильной президентской властью и сильным двухпалатным парламентом». Вместе с тем символически выглядит название одного из параграфов: «Политическое будущее страны: назад к Конституции». Авторы тем самым признают, что законодательство и правоприменительная практика достаточно далеко разошлись с духом и буквой Конституции. Собственно, одним названием этого параграфа авторы могли бы и ограничиться, тем более что никакого обоснования для своих прогнозов, кроме уверенности в том, что иного не дано, они не приводят.

Авторы доклада видят выход из создавшегося положения в восстановлении демократических институтов (см. раздел III доклада), но сами, похоже, не верят в реальность своих рекомендаций. Это выражается в том, что, во-первых, предлагаются внешние, косметические преобразования (прямые выборы Совета Федерации и губернаторов), невнятно говорится о том, что «в целом местный уровень власти существенно укрепился», а сами реформы откладываются на неопределенный срок (от 20 до 100 лет). В результате предлагается в неопределенные сроки «радикально» изменить форму, что вызывает очевидное подозрение в нежелании менять содержание.

В научной литературе всесторонне обосновывалось утверждение о положительном влиянии федеративных отношений на темпы экономического роста. В частности, Л. Полищук выделил механизмы таких связей, в том числе указал на возможность более полного учета местных особенностей при предоставлении общественных благ, возможность экспериментов в налогово-бюджетной сфере, отметил усиление межрегиональной конкуренции за мобильные ресурсы, констатировал развитие у граждан представлений об эффективности государственного управления [11]. Но такая система может работать эффективно, только если региональные и местные власти подотчетны местному населению и автономны по отношению к центральным властям. С другой стороны, общие вопросы решаются обязательно с участием представителей регионов. Только в этом случае федеративные отношения позволяют существенно

усилить и, главное, институционализировать конкуренцию в экономике, децентрализовать процессы принятия решений, обеспечить их прозрачность и повысить предсказуемость политики властей. Тогда федеративные институты, не будучи тождественными демократическим институтам, тем не менее смогут приводить к тем же результатам в виде устойчивого экономического роста, что и последние. Собственно, этот тезис получил очередное подтверждение в первой части данной работы. При этом реформа федеративных институтов (равно как и контрреформа) обычно занимает гораздо меньше времени, чем построение демократии.

В нашей стране из-за преобладающей негативной оценки экономического и социального развития страны в 1990-е годы, вследствие быстрого роста в годы 2000-е, а также в результате пропагандистских усилий спрос на работающие демократические институты невысок. Более того, и у властей, и у большинства социальных групп сформировалось представление о демократии, во-первых, как о наборе ритуальных процедур (выборы), а во-вторых, как о слабой власти, являющейся объектом манипулирования со стороны групп с особыми интересами, т.е. демократия в общественном мнении стала синонимом коррупции.

Особым моментом стало то, что ценность демократии и эффективность ее институтов признаются только в отношении богатых и процветающих обществ. В бедных же странах, как считается, демократия ведет к анархии. Выводом обычно служит утверждение о необходимости сначала авторитарной модернизации и лишь потом демократизации. Представление о том, что демократия – относительно молодое явление в общественной жизни и присуща она только «западным» обществам с особым менталитетом, есть результат либо незнания, либо манипулирования историей. Более того, даже самые авторитарные режимы в современном мире не могут себе позволить полностью отбросить демократические формы без риска окончательно утратить остатки легитимности. Хотя выстраивание демократических институтов не только по форме, но и по существу действительно является длительным процессом.

В таком случае модернизацию экономики и общества следует начинать с укрепления институтов правового государства, а вовсе не с выборов всех и вся, перераспределения полномочий или переподчинения ведомств. Что собой представляет правовое государство и как оно строится, можно узнать, например, из фундаментальных работ академика Б.А. Кистяковского [12]. Если этого покажется недостаточно, можно обратиться к множеству работ, в том числе и к обобщающим полезный опыт разных стран, успешно осуществивших модернизацию.

Вторым шагом должны стать восстановление институтов местного самоуправления и формирование его устойчивой финансовой базы. Системы аппаратного контроля и «балльно-рейтинговых» оценок со стороны «вышестоящих» организаций должны быть ликвидированы и заменены системой публичного контроля.

Что касается отношений в системе «федеральный центр – субъекты Федерации», то начинать следует с политики федерального центра. Прежде всего должна быть восстановлена формализованная система выделения трансфертов, желательно на основе среднесрочных нормативов подушевого финансирования (разумеется, с учетом удорожающих факторов, таких как климат и удаленность). Только после этого следует приступить к двум взаимосвязанным реформам на федеральном и региональном уровнях: переходить к среднесрочному программно-целевому планированию бюджетных расходов и начинать административную реформу.

Очевидно, что при этом демократизация политических процессов на всех уровнях власти может идти с разной скоростью, поскольку демократия сама по себе (ротация высших руководителей на основе честных выборов, независимость судов и свободная пресса) является ценностью и благом, но не гарантирует эффективности принимаемых решений. Она лишь позволяет быстрее выявлять и исправлять ошибки. Возникает, правда, вопрос: сколько времени отпущено для эволюционного восстановления разрушенных институтов, а также для начала их полноценной работы?

Кризис – это всегда проверка жизнеспособности всего и вся: от финансовых институтов и психологии домохозяйств до бюджетов и государственных институтов. Нынешний кризис выявил неадекватность федеративных институтов во многих странах мира, прежде всего в России. Восстановление работоспособных государственных институтов в России следует начинать с реформы федеративных отношений.

Литература

1. **Клисторин В.И.** Экономические основания бюджетного федерализма // Регион: экономика и социология. – 2001. – № 4. – С. 18–34.
2. **Илларионов А.Н.** Счетчик кризисных потерь [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2010/02/11_x_3322468.shtml (дата обращения 05.04.2010).
3. **Башкатова А.** Кризис в России напугал Всемирный банк [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2010-02-05/1_crisis.html?mthree=1 (дата обращения 05.04.2010).
4. **Важнейшие** экономические показатели России и отдельных зарубежных стран [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/32.htm (дата обращения 05.04.2010).
5. <http://www.gazeta.ru/comments/nm/tabs/24392.shtml?full> (дата обращения 05.04.2010).
6. **Клисторин В.И.** Качество экономического роста и региональное развитие // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 3. – С. 30–41.
7. **Селиверстов В.Е., Клисторин В.И.** К десятилетию Конституции Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2001. – № 4. – С. 18–34.
8. **Клисторин В.И.** Российский федерализм: программы и инициативы // Регион: экономика и социология. – 2003. – № 3. – С. 3–5.
9. **К программе** социально-экономического развития России 2008–2016: Научный доклад. – М.: ИЭ РАН, 2008. – 246 с.
10. **Россия XXI века: образ железаемого завтра.** – М.: Экон-Информ, 2010. – 66 с. [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.riocenter.ru/files/Obraz_gel_zavtra.pdf (дата обращения 05.04.2010).
11. **Полищук Л.** Федерализм и экономическое развитие России // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 2. – С. 18–33.
12. **Кистяковский Б.А.** Философия и социология права. – СПб.: РХГИ, 1998. – 500 с.